

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Холодный счет / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Колычев. Лучшая криминальная драма).

ISBN 978-5-04-205543-0

Капитан полиции Севастьян Крюков — личность в Старо-заводске известная. Гроза бандитов и поклонник алкоголя, не брезгает он и мелкими любовными интрижками. Одна из них закончилась трагически: после ухода Крюкова несчастную женщину нашли зверски задушенной, с вырванными из ушей сережками. Спустя некоторое время таким же образом погибли еще три женщины. И каждый раз незадолго до смерти все они имели отношения с Севастьяном. Следователь Илья Милованов не сомневается: распутный капитан имеет прямое отношение к кровавой серии. В своих выводах сыщик не допускает и мысли, что настоящий убийца — совсем иной человек...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205543-0

© Колычев В.Г., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Пятница, 16 сентября

Свинцовое небо, промозглый ветер, дождь, навевающий тоску. В прокуренном насквозь баре тепло и сухо, высокий статный мужчина в сером плаще поежился, тоска на душе не давала согреться. По спине холодной волной пробежали мурашки, в ногах возникло ощущение тяжести.

За барной стойкой шумно вела себя подвыпившая компания, двое выясняли отношения, схватив друг друга за грудки, остальные подзуживали, бармен что-то сказал, но на него лишь махнули рукой. Алкоголь и адреналин — коктейль гремучий, парни рослые, если драка вспыхнет, то на весь бар. Мужчина в плаще понимал, что задеть может и его, но пугало совсем другое. Севастьяна Крюкова пугал бармен, который с легкой душой наполнит рюмку водкой и с постным видом поставит перед ним. И Севастьян выпьет, повторит. Потом еще и еще. И никакими уговорами

его тогда уже не остановить, будет пить, пока не пропадет рефлекс глотания. Остановиться он мог прямо сейчас. Остановиться перед самой барной стойкой, развернуться и пойти домой. Но там его никто не ждет. Любимая женщина порвала с ним окончательно, Ирину не вернуть, она уже с другим. Именно поэтому Севастьян здесь, в этом проклятом баре. Четыре месяца не пил, держался, только он один знал, чего ему это стоило, но Ирина его упорство не оценила и вышла замуж за другого. С лютой тоски душа вывернулась наизнанку и требует совершить зло. И требует, и в кабак ведет, тащит на аркане.

— Еще слово, и я тебе врежу! — процедил сквозь зубы рыжеволосый парень с багровым от перенапряжения лицом.

Высокий, крупный, но нескладный, шея толстая, а плечи непропорционально узкие. Уши маленькие, но мясистые, как будто улитки под огненными прядями волос притаились.

Крюков ощутил себя буревестником, его потянуло в самый эпицентр зарождающегося урагана. Он подошел к стойке, задев плечом толстощекого парня, который весело шлепал по спине своего рыжеволосого друга, подталкивая его к противнику.

Толстощекий резко развернулся к дерзкому незнакомцу.

— Мужик, ты чего? — зло, возмущенно протянул он.

Если у его приятеля «горели» волосы, то у него — шея. Татуажный огонь под толстовкой пылал, из-под ворота выползали оранжево-красные языки пламени. Вроде бы ничего такого, дань моде, но шея у парня жирная, в складках, потому «огонь» кажется вялым, сморщенным. Вряд ли женщин возбуждала такая акварель, вот и приходилось развлекаться, стравливая друзей между собой.

— Водки! — Севастьян, казалось, не обращал внимания на толстяка.

Он держался спокойно, но был наготове, ожидая удара. Уж лучше пропустить кулаком в челюсть, чем принять водку на грудь. Ввязаться в драку, а там как пойдет, главное, что станет не до выпивки.

— Мужик! — брызгая слюной, взвыл толстощекий.

Крюков неторопливо повернулся к нему, и морально, и физически готовый к драке. Все-таки в момент удара к опасности лучше находиться лицом, а не боком. Пропустить ударную руку мимо себя, поймать ее в захват, взять на прием, Крюков это умел и точно знал, что не оплошает. Эта его внутренняя уверенность передалась противнику, парень угрожающе нахмурил брови, подался вперед, выражая высшую степень агрессии, но ударить так и не решился. А у рыжеволосого зазвонил телефон, он с радостью выдернул из кармана мобильник. Кто-то что-то ему сказал, он с важным видом выслушал и рванул к выходу, увлекая

за собой всех своих дружков, в том числе и того, с кем только что бодался.

— Еще увидимся! — процедил толстощекий, усердно делая вид, что интерес к противнику он теряет исключительно из-за форс-мажорных обстоятельств.

В дверях бара рыжеволосый едва не сбил с ног хорошенькую шатенку в коротком светлом платье под плащом, который она расстегивала на ходу.

Крюков кивнул, глядя на молодую женщину, он всего лишь соглашался с тем, что плащ и косынку следовало снять, но незнакомка расценила его жест как приветственный. И загадочно улыбнулась.

— За счет заведения! — Бармен улыбнулся Крюкову так, как будто это он своим решительным поведением отвадил шумную компанию.

Стеклянная стопка с легким стуком опустилась на глянцевую гладь барной стойки, бармен с ловкостью фокусника поднес к ней бутылку, наполнил до краев, не пролив при этом ни капли.

— Не обязательно, — сглотнув слюну и завороченно глядя на стопку, качнул головой Крюков.

— Что не обязательно? — внимательно посмотрев на него, спросил бармен. — За счет заведения?

— И это тоже, — кивнул Крюков, не отрывая глаз от стопки.

Служба в полиции давалась ему нелегко, поначалу гонку за раскрываемость он проигрывал всем, кому только можно, зато выпивать со знанием дела научился быстро. Со временем набрал-

ся профессионального опыта, дела пошли в гору, старшего лейтенанта присвоили вовремя, капитана не пришлось долго ждать, а вот с майором не заладилось. Срок вышел, а должность капитанская. И с репутацией проблемы. Спился Севастьян, ни дня без выпивки, хорошо, пьянствовал он тихо, из запоев выходил вовремя, на службу выходил, а, главное, время от времени завязывал. И дела раскрывал, начальство его ценило, до увольнения дело пока не доходило, а вот Ирина роман с водкой ему не простила, ушла. А сегодня сказала, что выходит замуж за другого.

И такая тоска навалилась на Севастьяна, ноги сами повели в бар. И рука уже прилипла к стопке. Осталось только поднять и выпить, это так легко, так просто. Тоска отступит, чувство эйфории вернет душу к жизни... Поднять и выпить, легко и просто...

А завтра все повторится. И послезавтра. А в понедельник Севастьян не выйдет на службу, полковник Брызгалов вlepит служебное несоответствие и на этот раз точно представит к увольнению... А может, и не будет ничего. Вдруг завтра Севастьян сможет вернуться к нормальной жизни. Выпьет сегодня, тихо, без приключений домой, сразу ляжет спать, а завтра проснется как стеклышко и даже не вспомнит о вчерашнем. Пока еще сегодняшнем.

Севастьян вздохнул, с горечью насмехаясь над бредовыми надеждами. Уж очень он хорошо знал,

что такое запой. Это как цепная реакция, если процесс начнется, то остановится только после полного распада личности на жидкие и твердые отходы ее жизнедеятельности. Но падение на дно выгребной ямы не так уж и страшно. Если утрачен смысл жизни.

Кто-то мягко коснулся плеча, как будто свежий весенний ветерок пронесся, легонько тронув обледенелые ветви зимнего дерева. На столь нежное прикосновение способна только Ирина, обращившись, Севастьян успел дать себе обещание. Если это она, он выльет водку прямо на пол.

Но рядом стояла совсем другая женщина, та самая хорошенькая шатенка, с которой он так бездумно поздоровался кивком. Стройная, элегантная и такая же изящная, как Ирина. И прикосновение такое же легкое и нежное, и запах парфюма волшебный. Стильное каре, золотые серьги с топазами под цвет глаз, сочно накрашенные губы, плечи открыты, на длинной шее чокер из жемчужного бисера, кожа чистая, не совсем уже в тонусе, но наверняка приятная на ощупь. Платье нарядное, но не броское, точно не кичливое, с длинным рукавом. Крюков обратил внимание на обувь. Дождь на улице несильный, но тем не менее капли падают на дороги, на тротуары, взбивая пыль, а туфли у женщины сухие и чистые. Приехала на машине? Почему обувь чистая везде, даже там, где остается грязь от соприкосновения с педалями автомобиля? И плащ, переброшен-

ный через руку, лишь слегка задет дождем. Плащ, который она не оставила в машине, потому что приехала на такси. Или пришла из дома, который находился где-то совсем рядом.

Шатенка смотрела на бармена, Севастьян повернулся к ней, и она, с готовностью перехватив его взгляд, мило улыбнулась. Нежный овал лица, небольшие глаза с опущенными уголками, точеный носик, пухлые губы. Макияж нанесен совсем недавно, помада на губах свежая. Глаза у женщины довольно глубоко посажены, это нисколько не испортило ее, но зря она прибегала к теням темных тонов. От этого глаза казались еще глубже посаженными. Но, возможно, такие тени призваны были скрыть круги под глазами. Возможно, шатенка злоупотребляла алкоголем, если так, она умело скрывала свою зависимость. Крюков не заметил нездорового блеска в глазах, губы не подрагивали, пальцы не дрожали, движения спокойные, размеренные.

— Лиза!

Ошеломленный Крюков не сразу сообразил, что женщина знакомилась с ним. Но в нерешительности он пребывал совсем недолго.

— Севастьян!

Он знал жизнь, поэтому постарался избавиться себя от ощущения свершившегося чуда. Это бар, и женщины приходят сюда в надежде на удачное знакомство, а порой и в поисках клиентов. Лиза могла оказаться обычной проституткой, но эта мысль не отбила пробудившийся аппетит.

— Посидим? — спросила она, изящно положив руку на барную стойку.

— Посидим, — кивнул он, нерешительно отодвинув от себя наполненную стопку.

И при этом велел налить даме за свой счет. Лиза глянула на него благодарно и как на своего мужчину. Даже незримо потянулась к нему, и он ощутил силу ее притяжения.

— Виски с колой! — заказала она.

Крюков нахмурился. Эйфория, заставившая его отказаться от выпивки, прошла. Сейчас ему требовался тот самый кайф, за которым он сюда и пришел. Если останется с Лизой, то наверняка напьется в хлам. И не факт, что уйдут они вместе. Как бы уползать не пришлось. В одиночку.

Уходить нужно сейчас, понял он. И уходить лучше на белом коне, чем как побитая собака.

— Предлагаю выпить и покурить, — сказал Крюков, пристально и с призывной улыбкой глядя на женщину. — Но сначала приятно устать.

Если Лиза — проститутка, то проблем с ней не должно возникнуть. Если она здесь в поисках одних лишь приключений, шансы на успех уменьшаются, но все же остаются. А если она пошлет его к черту, он повернется и несолоно хлебавши уйдет. Зато водка останется здесь.

— Выпить сразу, а устать и покурить потом, — улыбнулась Лиза, поощрительно глянув на него.

Она, конечно же, все поняла, более того, ответила согласием. Цену не назвала, хотя намек прозвучал.

Лиза взяла свой коктейль, выразительно глянув на Крюкова, он сделал вид, что не заметил приглашения. И даже глаз не скосил на отставленную в сторону стопку.

— Еще не устали? — улыбнулась она, с интересом глядя на него.

— Я уже опьянен. И очарован.

Женщина иронично повела бровью, принимая комплимент. Ясно же, от чьей красоты кружится голова у мужчины.

Она выпила, Крюков расплатился, помог надеть ей плащ, они вышли на улицу. Он указал на свою машину, а она повела его в другую сторону.

Севастьян не ошибся, Лиза жила неподалеку, в соседнем доме, на четвертом этаже. Квартира двухкомнатная, уютная для одинокой женщины, но не для любителей крутого интима. Никаких красных ламп, розовых с ажуром покрывал, картин с голыми женщинами, кружевного белья, разложенного в художественном беспорядке, ничего такого. Обычная квартира ничем не примечательной женщины, на журнальном столике лежала папка-регистратор, из которой выглядывали файлы с документами. На вешалке в прихожей висела куртка на синтепоне, у коврика стояли мокасины на массивной подошве. Лиза вернулась с работы, разулась, сняла куртку, по пути в спальню бросила на журнальный столик задание на выходные.

Торопилась она и сейчас. Снимая с гостя рубашку, она смело смотрела ему в глаза. Но эта

выставленная напоказ дерзость, казалось, давалась ей непросто.

— Очень хочется покурить! — сказала она в свое оправдание, толкнув его на кровать.

Покрывало чистое, пахло свежестью стирального кондиционера. И здесь, в спальне, никаких красных фонарей, на спинке стула висел простой бюстгальтер, на трюмо стоял аэрозольный баллончик без крышки, на полу валялась расческа. Торопилась Лиза, собираясь в бар, разделась, бросила бюстгальтер, брызнув на волосы, забыла закрыть лак, уронила расческу.

Бюстгальтер она заметила, смущения не выдала, но, смахнув предмет со спинки стула, вышла из комнаты.

— Я сейчас!

Вернулась она минуты через три, в шелковом халате, как оказалось, на голое тело.

— Или сначала выпьем? — спросила она, загадочно улыбаясь.

— Мне, пожалуйста, двести граммов твоей любви! — сдерживая нетерпение, улыбнулся Крюков.

— Подавать со льдом или с горячим сиропом? — распахнув полы халата, спросила Лиза.

Приметы прошедшего лета еще не сошли с ее роскошного тела, незагорелые места дразнили взгляд и возбуждали фантазии. Высокий бюст, стройные ноги, узкие бедра нерожавшей женщины.

— Сначала погорячей, — кивнул Крюков.

С таинственной улыбкой Джоконды она забралась на него верхом и, вращательным движением бедер оценив силу его желания, блаженно замурлыкала. И коварно улыбнулась. Раз уж он готов к штыковой атаке, можно обойтись без прелюдий, хотя она и не против немного подразнить его не самыми главными, но очень интересными частями тела. Она бы могла, но уже поздно, Севастьян вошел в нее. И когда он прошел пик блаженства, только тогда вспомнил об Ирине, которой вдруг взял да изменил. Подумал без всякого раскаяния и сожаления.

— Теперь можно и покурить, — пробормотала Лиза, откидываясь на спину.

Если Лиза и курила, то иногда, под настроение, по таким вот удачным пятницам, как сегодня. Табаком от нее не пахло, квартира не прокурена.

— Можно, — кивнул Севастьян.

— И выпить.

— Пропущу!

Лиза показала себя горячей штучкой, Севастьян как будто в баньке побывал, только вместо веничка по спине гуляли ее длинные и, надо сказать, острые ногти. И гуляли больно, спина уже начинала гореть. Впрочем, Севастьян и не думал осуждать женщину. Практиковались же когда-то ритуалы самобичевания — в наказание за грехи. А его наказала Лиза — за грешную тягу к водке. Мог бы надраться в хлам, если бы не она.

— Ногти у тебя острые. На кого точишь? — в шутку спросил он.

Обычно акриловые и гелевые ногти не очень острые, но их можно наточить — в том же салоне красоты.

— Да есть один... Ты, наверное, думаешь, что я проститутка? — спросила Лиза.

— Ну, если только по пятницам, в свободное от работы время... Распоряжения у тебя там в папке, не знаю какие.

— Распоряжения. Начальника железнодорожной станции.

— В делопроизводстве работаешь?

— Иногда даже по выходным... — кивнула Лиза. И на всякий случай уточнила: — С бумагами... — А затем, немного подумав, добавила: — И остановить меня некому.

— Жаль, — кивнул Крюков.

— Жаль?

От возмущения Лиза приподнялась на локте, но глянула на него не зло, хотя и с осуждением. Действительно, женщина свободна — радоваться надо, что у нее нет мужчины, а он сожаление выражает. Может, потому что закончен случайный роман?

— Ну, может, я не так выразился, — пожал плечами Крюков.

И невольно глянул на гирлянду из роз, выбитую на животе Лизы. Криминального толкования такая татуировка не имела, просто красивая выписка из каталога тату-мастера. Женщины просто сходят с ума по этим глупостям, как будто не по-

нимают, что мужчины воспринимают их татуировки как клеймо. Само подсознание кричит, что татуировки — это печать проституток, порноактрис и прочих гулящих женщин. Конечно же, это далеко не так, но подсознание — материя тонкая и капризная. Да и за примерами не надо далеко ходить. Взять ту же Лизу, вот где Севастьян с ней познакомился и почему она так легко согласилась переспать с ним? Возможно, это у нее ритуал такой, на каждый уик-энд снимать себе нового мужчину для развлечения. Может, ее вовсе не интересуют постоянные отношения.

— Еще здесь! — заметив, куда он смотрел, саркастически усмехнулась Лиза.

И указала на кружевную подвязку для чулок, выколотую на правом бедре. И в этом случае татуировка высокого качества, но, увы, Лизу она не облагораживала.

— Тебе идет!

Фраза прозвучала неубедительно, и Лиза это заметила.

— Ну, конечно!.. — фыркнула она.

— Не обижайся, — попросил он.

Крюков не собирался связывать с Лизой дальнейшую жизнь, но и ссориться с ней не желал. И настроение портить не хотел — ни себе, ни ей.

— Да не обижаюсь... Просто обидно... Сто лет в баре не была, решила заглянуть, а меня уже в проститутки записали... Ну да, татух по молодости наделала.

— Ты и сейчас молодая.

— Ну, если только по сравнению со старухами... А ты что, в завязке?

— Чуть не развязался.

— Развяжешься.

— Только не сегодня.

— И без меня... — засмеялась она. — Все, давай, гуляй!

— Ты это серьезно? — не поверил ей Севастьян.

С одной стороны, хорошо, что его выгоняют: не готов он к серьезным отношениям. От Ирины нужно сначала отойти, потом уже думать о других женщинах. Но, с другой стороны, обидно. Он же не чемодан, чтобы его выставляли за порог.

— Серьезно! — Лиза остро посмотрела на него. — Ничего у нас не выйдет! И ты сам это знаешь!

— Не знаю.

— Я знаю!.. Все, давай!

Лиза порывисто поднялась и, набросив на себя халат, отправилась в ванную. Севастьян проводил ее взглядом, пожал плечами и также поднялся с постели. Все правильно, не выйдет у них ничего, даже пытаться не нужно. Разные они люди, только одна у них точка соприкосновения, и она уже пройдена, каждый получил свое, можно расходиться.

В бар Крюков заходить не стал, в магазин тоже, спать лег совершенно трезвый.